

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

Этика и мотивация успеха

Аннотация. В статье дается этический анализ мотивации успеха. Под успехом понимается успешность действий, выражающаяся в том, что индивид делает свое дело хорошо и делает его лучше, чем другие. Дается обобщенная характеристика учения о поступке М.М. Бахтина как методологической основе для решения вопроса об этическом статусе мотива успеха. Показано, что в рамках разделения ответственности за поступок на нравственную и специальную и их иерархии, в которой первичной является нравственная ответственность, мотив успеха относится к области специальной ответственности.

Ключевые слова: мотив успеха, мораль, поступок, моральная ответственность, специальная ответственность, М.М. Бахтин., В.И. Бакштановский.

Определяя содержание и задачи (предназначение) этики успеха, профессор В.И.Бакштановский неоднократно писал среди прочего, что она «призвана морально оправдывать мотивацию на успех»¹. В этой формулировке замечательным образом разводятся моральная мотивация и мотивация на успех. Особо следует подчеркнуть, что речь идет не только об участии морали в деятельном отношении к жизни, не о селекции разных возможных человеческих занятий (дел) по моральному критерию. Предметом рассмотрения является стимулирующее участие морали в том, чтобы то, что делает человек, делалось успешно. Речь идет о том, чтобы моральную санкцию (оправдание, добродетельность) дела связать с его успешностью.

Возникают вопросы: разве само дело (в совокупности с необходимыми для него знаниями и навыками) не является

¹ Чтобы не уходить в лексический анализ, заметим с самого начала, что мы отвлекаемся от различий между словосочетаниями «морально оправдывать» и «морально оправдать», а также между «мотивация на успех» и «мотив успеха».

достаточным основанием, чтобы оно было осуществлено успешно? и разве для этого нужна дополнительная поддержка со стороны морали? Сам здравый смысл подсказывает нам: интерес в деле является достаточным мотивом для его успешности. Если я, испытывая жажду, иду к роднику, чтобы напиться, или в магазин, чтобы купить бутылку воды, то для успеха в данном деле мне в субъективном (психологическом) плане не нужно ничего, помимо своего желания сделать это. Дополнительная мотивация была бы нужна в том случае, если бы предстоящее дело, было мне внешним, чуждым, навязанным; в нашем примере – если бы меня посылали за водой вопреки моему желанию. Но была ли бы в этом случае дополнительная мотивация моральной? Это первый вопрос, который требует уточнения в рамках логики этики успеха. Или, выражая ту же мысль иначе: может ли успех быть возведен в моральный долг?

Начиная со стоиков принято различать моральные усилия человека сделать что-то (например, спасти жизнь друга, если взять один из самых ярких стоических примеров) от того морально нейтрального факта, насколько они оказались успешны (была ли на деле спасена жизнь друга или нет). Эта линия размышлений не замыкается стоической школой и традицией, она была и остается одной из самых теоретически продуктивных в этике; она, если брать наше время, получила, в частности, продолжение в экзистенциалистской этике отчаяния. За ней стоят (она обобщает и в свою очередь стимулирует) опыты морального героизма в ситуациях безнадежности и при едва ли не нулевых шансах на успех, как, например, акты сопротивления и даже восстания в фашистских лагерях смерти. Уточняя сформулированный выше вопрос, необходимо ответить: можно ли мотивацию успеха возвести в моральный долг, не игнорируя такой значительный по объему и необычайно высокий по ценностному статусу пласт человеческой практики как моральный героизм и не деградируя в догматизм этического консеквенциализма?

Успех, что вполне очевидно, не просто технический термин, фиксирующий качество результата в его соотнесенности с целью, на основании и в соответствии с которой этот результат был достигнут. Он не укладывается в отношение: человек и

предметная среда и включает в себя также определенное общественное содержание. Успешность/неуспешность деятельности ставит человека в определенное отношение к другим людям, которые также втянуты в такую же (или сопоставимую) деятельность. Описание деятельности в категориях успешности/неуспешности придает ей сравнительный (соревновательный, конкурентный) характер. Индивид успешен/неуспешен не сам по себе и не в отношении к своим возможностям и достижениям, а по сравнению с другими, в отличие от них. Становясь успешными/неуспешными, мы прямо или косвенно у кого-то выигрываем и кому-то проигрываем, побеждаем и терпим поражение, обгоняем других и отстаем от них, возвышаемся и опускаемся. Конечно, мотивация успеха может соединять людей, если они вместе делают одно дело, однако, само это сплочение вписано в некое противостояние, как, например, в спортивных играх и других совместных человеческих делах. Хотя успех (успешность) в качестве посредствующего звена во взаимоотношениях между людьми оказывает противоречивое (как соединяющее, сплачивающее, так и разделяющее) воздействие на эти взаимоотношения, тем не менее сам баланс такого соединения и разъединения бывает разным применительно к разным видам деятельности и к разным общественным условиям. В рыночной экономике, механизмы которой в современную эпоху приобретают универсальный характер, ориентация на успех оказывается ориентацией на то, чтобы обогнать других, возвыситься над ними; именно конкурентоспособность оказывается показателем дееспособности. Мотив успеха и конкурентную среду можно интерпретировать как два взаимосвязанных аспекта одного и того же процесса: конкурентная среда принуждает индивидов быть успешными, стремление быть успешным выделяет их среди других (например, даже привычная нам и, конечно же, не столь жесткая по своему конкурентному потенциалу университетская академическая среда с ее иерархией, учеными степенями и званиями задает вовлеченным в нее людям карьерную лестницу, а вместе с ней потребность быть успешными, а академические успехи неизбежно и даже независимо от личной скромности выделяют их в общей среде).

Успех, понятый как деятельное самоутверждение в мире через возвышение над другими, оказывается в поле нравственных размышлений и, действительно, нуждается в моральном оправдании. При этом, конечно, такое оправдание никак не может заключаться в том, чтобы мотив успеха сам по себе поднять на моральный уровень, это означало бы фактическую девальвацию морали. Оно не может также сводиться к некой моральной терапии, призванной смягчить или блокировать негативные морально-психологические следствия ориентированной на успех конкурентной борьбы. Решение вопроса не может состоять и в том, чтобы развести успех и этику, как если бы они не имели ничего общего между собой, ибо, даже если на абстрактном уровне такое разведение и могло бы быть обоснованным, оно совершенно неприемлемо в прикладном аспекте, ибо речь идет о двух измерениях одних и тех же, целостных в своей эмпиричности индивидов.

Задача, сформулированная профессором Бакштановским, («морально оправдывать мотивацию на успех») предполагает ответ на вопрос о месте и роли морали в структуре поступка, рассмотренного в единстве его субъективных и объективных аспектов. При этом речь идет о том, чтобы понять поступок как фундаментальную категорию человеческой практики, выражающую нравственную укорененность индивида в мире, его событийность с другими людьми. Такое понимание поступка, развернутое в цельное учение, мы находим у М.М.Бахтина в его ранних произведениях, прежде всего в трактате «К философии поступка».

Бахтинский взгляд на поступок кардинально отличается от привычных представлений, которые нам знакомы из психологии, социологии, права, религии, эстетики, даже этики (в той части, в какой она выступает в качестве эмпирической науки) и которые задают общеупотребительное содержание этого понятия. Каждая из этих областей знания характеризует поступок под своим углом зрения: психология – под углом зрения внутренних движущих сил (мотивов, намерений, бессознательных импульсов и т.д.); социология – под углом зрения общественно

значимых результатов (серийности, представительности, репрезентативности и т.д.); право и религия – в соотнесенности с нормой и в качестве оцениваемого со стороны (наказуемого, одобряемого, поощряемого и т.д.) действия; эстетика – как оправданные в себе совместные действия героя и автора; этика – как совокупность публично и персонально одобряемых действий, образующих нравы. Но все они рассматривают поступок и мир поступков как некую данность, подлежащую и доступную объективному изучению. Бахтин же подходит к поступку философски, в известном смысле впервые вводит это понятие в философию и, уже совершенно достоверно, впервые помещает его в начало и центр философии.

Бахтин видит и раскрывает в поступке то, что ускользает от конкретно-научных подходов к нему, акцентировано отделяя и противопоставляя свой подход к нему от биологизма, психологизма, экономизма и любых других редукционистских подходов, именуемых им разновидностями теоретизма.

Привычный, идущий от науки и практического благоразумия, подход помещает поступок в общее пространство окружающего нас мира, рассматривает под углом зрения доступного внешней фиксации и объективному описанию результата. А между тем, поступок – не только то, что дано и с чем мы имеем дело, он в то же время порождается человеком, глубоко и принципиально субъективен. И прежде, чем познать поступок и работать с ним, как с некой данностью, его надо совершить. Поступок, рассмотренный в оптике действующего индивида, дан ему во вторую очередь, постфактум, а в первую очередь он им задан. Без учета этого, без проникновения внутрь поступка, в его генезис, ограничиваясь лишь обобщающим, теоретизирующим взглядом на него, взглядом из вне и задним числом, мы закрываем себе путь для его адекватного понимания. Мало сказать, что поступок порождается индивидом, надо добавить: вне связанности с субъектом его не существует вовсе. Поступок всегда персонален, у него нет определений, у него есть только имя.

Далее, слово «поступок» в общеупотребительной лексике не имеет строгого содержания и устойчивой традиции употребления. Обычно под ним понимается одно из выражений чело-

веческой активности, чаще всего особый род действия (например, сознательное ответственное действие, личностная форма поведения) или само действие в отличие от мысли (осуществленное намерение, реализованный акт). Ещё одна примечательная особенность понятия поступка в живом гуманитарном опыте русской культуры состоит в том, что ему придается высокий смысл, и в некоторых контекстах слово «поступок» как подвиг. Бахтин придает понятию поступка универсальный смысл, возможно, отталкиваясь от неопределенно широкого его смыслового содержания в живой речи, и понимает под ним выражение человеческой активности во всех её формах, самый индивидуализированный способ бытия человека. «Поступком должно быть всё во мне, каждое моё движение, жест, переживание, мысль, чувство – всё это единственно во мне – единственном участнике единственного бытия-события – только при этом условии я действительно живу, не отрываю себя от онтологических корней действительного бытия. Я – в мире безысходной действительности, а не случайной возможности» [2,42]. «Осознаваемая жизнь в каждый её момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством; я живу, я становлюсь поступком» [1, 206]².

Исходным и самым существенным в бахтинском понимании поступка является то, что он, словно древний бог входов и выходов, двуликий Янус – развернут в противоположные стороны: в объективированный мир культуры и в неповторимую единственность переживаемой жизни. Соответственно в нем, в поступке, разъединены содержание и факт его свершения. Труднейшая проблема философии поступка, как и самого по-

² Самым неожиданным и, в философском смысле, самым радикальным и далеко идущим является утверждение, что и мысль есть поступок. Один из основных методов философско-гуманитарного познания обозначается как движение от абстрактного к конкретному, в соответствии с логикой которого философы начинали с простейших абстракций, которые выступали в качестве первых принципов, разворачивавшихся в последующем в конкретную мыслительную конструкцию. Открытие Бахтина состояло в том, что мысль, даже взятая в своей первичной (элементарной) форме, является вторичной: она есть чья-то мысль и в этом качестве есть поступок.

ступающего сознания, в соединении этих разнонаправленных аспектов. Проблема поступка – проблема соединения двух его концов. Одного – исходящего из действующего субъекта и объясняющего само бытие поступка в его единственности; второго – уходящего в мир и объясняющего его содержание, смысл.

Если исходить из содержания поступка, которое каждый раз определяется соответствующей предметной областью культуры, то мы никогда не дойдем до факта его свершения, не поймем, почему он вообще состоялся. Расписание поездов никогда не скажет, куда мне ехать, норма не даст ответа на вопрос, почему я ей должен следовать, из понятия любви мы никогда не выведем, почему Дездемона полюбила Отелло. В обобщениях, имеющих дело с содержанием деятельности, в том числе и в тех теоретических заключениях, которые делаются на основе анализа совершаемых людьми поступков, нет живых реальных индивидов, которые решают, что им делать, там нигде нет меня, живого, единственного, живущего вот в это время и находящегося вот в этом месте. «Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет» [2,13]. Говоря о теоретическом мире, Бахтин имеет в виду вообще весь объективированный мир, подлежащий обобщению, познанию, запечатленный в суждениях, понятиях, законах, нормах, образах и т.д.

Соединить концы поступка и обрести его единство можно, если исходить не из его содержания, а из факта его свершения, рассматривать его не извне, а изнутри, идти не от объекта, а от субъекта. Поступок в своей единственности всегда индивидуален, у него нет другого основания, кроме решимости совершить его. Индивид, реальный живой – вот этот человек и есть основание, причина, в силу которой свершился вот этот поступок. При этом нельзя сказать, что есть индивид, субъект, который стоит за поступком и принимает решение о том, совершать его или нет. Наоборот, поступающий и есть субъект. В поисках объяснения, основания поступка, мы упираемся в действующего субъекта, в то, что у него нет алиби в бытии. Поступок выражает бытийную укорененность субъекта. Он не дан, он задан; в

поступке, в факте поступка, в решении о нем бытие переходит из возможности в действительность.

Человек поступает, потому что он не может не поступать, у него нет алиби в бытии, он существует в модусе долженствования, он, как выражается Бахтин, должен иметь долженствование. «Единственность наличного бытия принудительно обязательна. Этот факт моего *не-алиби в бытии*, лежащий в основе поступка, не узнается и не познается мною, а *единственным образом признается и утверждается*» [2,39]. От факта поступка переход к его содержанию не только возможен, он необходим. Поступки совершаются не в пустом пространстве и не в божьем мире, они совершаются в мире реальном и, собственно, факт поступка состоит в решимости почувствовать, помыслить, приобщить к нему то или иное содержание, соединить поступок в целое и сотворить, создать событие бытия.

Содержание поступка оказывается вторым, приобщенным к нему моментом; оно входит туда в силу моего решения, оно становится следствием моего участного отношения к миру. Эту мысль Бахтин замечательным образом выразил в афористической форме, сказав, что не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним. В содержании обязательства меня нет, из него никак не вытекает, что я должен его подписать. Но подписав его, я приобщился к обязательству, вдохнул в него жизнь и связал себя этим обязательством, совершил поступок и создал новую ситуацию, новое единственное событие бытия.

Поступок, как было сказано, включает две части (аспекта, конца), одна из которых отвечает на вопрос «кто» и указывает на субъект (того, кто, совершает поступок), а вторая – на вопрос «что» и указывает на содержание (то, что совершается). Отталкиваясь от «что», мы не сможем придти к «кто» (из содержания обязательства нельзя вывести, почему именно я, данный имярек, должен подписать его). А двигаясь от «кто», как считается, мы непременно придем к «что». Но почему? Общий ответ таков: потому, что у нас нет алиби в бытии, мы должны поступать, не можем не поступать и на каком-то «что» непременно должны остановиться: подписав обязательство, я связал себя с ним, соединился с определенным «что», совер-

шил поступок, но я бы мог и не подписать, и это также было бы определенным «что», поступком. Здесь, на первый взгляд, опять возможны вопросы: а почему я совершил (был совершен) именно этот поступок? почему, скажем, подписал обязательство, хотя мог и не подписать? Данные вопросы являются неправомерными, пустыми, ибо они отделяют субъекта поступка от самого поступка. На самом деле не существует другого (второго) субъекта, кроме субъекта данного поступка, каким бы этот поступок ни был (все равно каким-то он должен быть). Это как в еврейском анекдоте: «Почему Бог создал первым мужчину, а не женщину?» – «Потому, что он ни у кого не спрашивал».

Поступок индивидуален, персонален, он единственен. Это значит: он не поддается обобщению, не подлежит суду разума. Отсюда, конечно, не следует, что поступок не-рационален, вне-рационален. Как гласит лаконичная формула Бахтина, «поступок в его целостности более чем рационален, – он ответственный» [2,30]. Поступок более чем рационален не только потому, что в нём, помимо рационального момента, участвуют также эмоционально-волевой и фактический моменты. Он сверх-рационален, потому что он ответственный: совершая поступок, человек ставит на кон самого себя, задает некую новую точку схождения событий, придающую им единственную и неповторимую конфигурацию, которую может придать им только он с занимаемого им единственного места в мире и в единственный момент совершаемого действия.

Ответственность можно считать основным определением поступка, настолько основным, что допустимо говорить о тождестве этих понятий. Речь идет здесь, конечно, не о расхожем положении, согласно которому человек отвечает, должен отвечать за свои поступки. Бахтин говорит нечто более основательное: поступок и есть то, за что человек отвечает, не может не отвечать, так как он сам весь в нем. Отвечает не в виде последующих, идущих извне поощрений и наказаний, а самим поступком, который и есть его ответственный способ существования в мире. Ведь у человека нет алиби в бытии, и он не может не бытийствовать, не поступать, и поступая, он не может

не делать мир своим, не может не взваливать на себя его груз, не брать ответственность за него. Вспомнив, что человек поступает всей жизнью – и мыслью, и словом, и делом, и чувством, и переживанием, вообще всем, чем он охватывает мир, – мы понимаем: он отвечает и за мысль, которую мыслит, и за дела, которые делает, и за боль, которую чувствует, и за слово, которое произносит, и за взгляд, который бросает и т.д., потому что это его мысль, его чувство, его слово, его взгляд, это он преобразовал все это, сделав своим поступком, включив в единственность своего единственного события бытия.

Соответственно двум разнонаправленным аспектам поступка, ответственность также двояка: в одном случае – это специальная ответственность, которая является ответственностью за содержание, смысл поступка; в другом – нравственная ответственность, которая есть ответственность за факт его свершения. Не существует перехода от специальной ответственности к нравственной. Нравственная же ответственность с неизбежностью переходит и конкретизируется в специальной ответственности, она задает единый план, собирающий воедино разные (фактический и содержательный) аспекты поступка, его рациональный, эмоционально-волевой и интуитивный моменты. Она является изначальной и основной, по отношению к ней специальная ответственность выступает как вторичный, приобщенный момент. Специальная ответственность имеет важное значение в жизни человека, будучи связана с техникой, качеством содержательного аспекта поступка; в ней человек представляет от имени целого, общего (науки, нормы, группы и т.д.). Речь идет не об ее умалении, но о месте в системе ответственностей и месте в структуре поступка: «всякое представительство не отменяет, а лишь специализирует мою персональную ответственность. Действительное признание-утверждение целого, которому я буду представлять, есть мой персонально ответственный акт» [2,49].

Любой поступок находится в зоне индивидуальной ответственности того, кто его совершил, так как это – его поступок. Для самого поступающего поступок в его ценностной нагруженности определяется значимостью его содержания, смысла, теми предметными мирами, которые задают этот смысл. И по-

этому для поступающего он сам как поступающий не нужен, так как поступку противостоит только предмет, для него достаточно знать, ориентироваться в управляющих поступком ценностях, целях и средствах. Поэтому-то, как было подчеркнуто выше, поступок ничего не говорит о поступающем, но только о своем, как выражается Бахтин, «предметном обстоянии». Однако в системе предметных миров (наряду с мирами политическим, житейским, научно-познавательным, эстетическим и т.д.) существует также мир узкоэтический, охватываемый понятиями добра и зла. И вот поступок, ориентируемый в этом предметном мире и будет собственно нравственным поступком. Его, если можно так выразиться, можно считать дважды нравственным: во-первых, потому что он, как и любой другой поступок, персонален, и, во-вторых, потому что он своей предметностью, содержанием своим ориентирован на нравственное сознание. Собственно нравственный поступок управляется долженствованием как таковым и оценивает свое содержание в категориях добра и зла, отвлекаясь от других содержательных характеристик и оценок. Мы подчеркивали в качестве основополагающего тезиса бахтинской теории поступка следующее: из содержания, смысла поступка, его необходимости, научной обоснованности и т.д., никак не вытекает, что я должен совершить этот поступок, не вытекает его долженствование – долженствование к нему пристегивается извне, оно исходит от субъекта, его не-алиби в бытии. Когда это, пристегиваемое извне, исходящее от поступающего субъекта, долженствование само становится предметом (содержанием, смыслом) поступка, тогда мы и имеем дело с собственно нравственным поступком.

Особенность собственно нравственного поступка состоит в том, что он затрагивает саму поступающую личность. Сам этот поступок в решающей мере является как раз саморефлексом поступающей личности, которого нет в поступке за исключением того случая, когда сам саморефлекс становится поступком. Нравственный поступок представляет собой самообъективацию поступающей личности. В нем предметом становится я-для-себя как чистое долженствование, как не-алиби в бытии. Он выступает, объективируется как обращенность к себе в категориях добра и зла, как нравственная самооценка, самоот-

чет-исповедь. Нравственный поступок всегда есть самоанализ, самооценка поступающей личности как ответственной за свои поступки, за свою жизнь как поступание. Его особенности, присущие всякому нравственному сознанию как особому феномену культуры, наиболее глубоко и развернуто представлены в исповедях как особом духовном и литературном явлении, прекрасным примером которых, в частности, является «Исповедь» Толстого, если, конечно, не считать чистые библейские и религиозно-христианские образцы, как, например, покаянный псалом Давида или «Исповедь» Августина.

Для исповеди как самоотчета, этого самого нравственного из нравственных поступков, где организующим моментом формы является отношение к самому себе, характерны следующие особенности.

Во-первых, это – текст, который не имеет завершения, не может быть закончен.³ Поскольку здесь речь идет о ценности жизни для меня самого, то она перенесена в будущее; в этом заключается чистая природа долженствования, которое отсылает меня в мир бесконечной требовательности. Исповедь не может быть закончена, потому что она пишется не только о жизни, которая продолжается, но и жизнью, которая продолжается. Завершение, подведение некоего итога жизни предполагало бы некую оценку, но такая оценка тоже будет моим поступком, включающимся в единственное событие моей жизни. Жить в горизонте долженствования означает обращенность в «смысловое будущее», как еще незавершенность, неисполненность.

Во-вторых, исповедь может быть исполнена только в покаянных тонах, как выражение неудовлетворенности жизнью, сознание ее греховности. «Для меня самого возможна только история моего падения, но принципиально невозможна история постепенного возвышения» [1,194].

³ Бахтин считал, что исповедь вообще не имеет автора и героя, поскольку не заключает в себе позиции ценностной вненаходимости, позволяющей установить отношения между ними, и она не является эстетическим произведением (особым литературным жанром), отличаясь в этом отношении также от близких к ней автобиографии и биографии [1, 205-229] .

В-третьих, исключительно покаянная тональность исповеди определяется тем, что она есть словесная самообъективация субъекта (личности) как исходящего центра поступка и жизни как поступания. Такая самообъективация достигается исключением другого с его особым положением и взглядом. То, что исходит от других, в том числе одобрение, оправдание, милость и даже в первую очередь они, эти положительные (пусть даже вовсе не льстивые) оценки, замутняют чистоту самосознания, составляющую цель самоотчета-исповеди. «Чистое ценностно-одинокое отношение к себе самому – таков предел, к которому стремится самоотчет-исповедь» [1,209].

В-четвертых, у самоотчета-исповеди есть еще один предел. Дело в том, что полностью элиминировать точку зрения другого и достичь чисто одинокое отношения к себе невозможно. Тогда оставалось бы непонятным для кого и для чего вообще дается такой самоотчет, на что он опирается. «В абсолютной ценностной пустоте не возможно никакое высказывание, невозможно самое сознание» – так гласит одно из программных утверждений Бахтина, выражающих примат практического разума перед теоретическим. Поэтому, чем ближе к пределу ценностного одиночества, тем яснее открывается самосознающему нравственному субъекту другой предел – предел абсолютного другого, в перспективе и перед лицом которого его безнадежная греховность оказывается оправданной, продуктивной, погружается в столь необходимую ей теплую атмосферу надежды в безнадежном состоянии. Бахтин таким пределом считает Бога. Важно, однако, понимать, что кто бы и как бы конкретно ни отвечал на этот вопрос, логика нравственного сознания предполагает наличие такого абсолютного предела.

Таким образом, отношение к самому себе оказывается принципиально отрицательным и реализуется в сознании своей бесконечной греховности. «Я сам – условие моей жизни, но не ценный герой ее» [1,181]. Так что жить из себя, ставя себя в центр ценностного мира и сам создавая его, не только не значит жить собой и для себя, приспособливая большой мир к своему частному существованию, напротив, это значит расширение себя до большого мира так, как если бы он был моим

миром и чтобы он стал моим миром, это значит «абсолютное себя исключение» [2,68].

Принимая изложенное выше учение о поступке и рассматривая в его контексте заявленный вопрос о моральном оправдании мотивации на успех, можно сделать, по крайней мере, два довольно определенных вывода.

Один состоит в том, что мотивация на успех относится к области специальной ответственности, она входит в содержание поступков и по отношению к нравственной ответственности субъекта, выступающей в качестве их порождающего (причинного) основания, является лишь вторичным, приобщенным, дополняющим моментом. Это означает, что установку на успех в каком-то деле можно интерпретировать как стремление делать это дело хорошо, добротнo. Аристотель, иллюстрируя мысль о деятельной природе добродетели, приводил такой пример: прежде, чем научиться хорошо играть на флейте, надо вообще уметь играть на ней. Если рассматривать этот пример в свете двух обозначенных Бахтиным форм ответственности, можно сказать, что вопрос о том, насколько успешно человек играет на флейте, – это дело специальной ответственности индивида, его искусности, таланта, усердия и т.д. А сам факт того, что он решил играть на флейте и играет на ней – это вопрос нравственной ответственности. Из того, что существует флейта и на ней можно выводить прекрасные звуки, вовсе не вытекает, что именно я должен играть на ней; флейте все равно, буду я играть на ней или нет, из неё можно вывести вообще некую безличную совокупность людей, играющих на флейте, но нельзя вывести меня в моей единственности как играющего на ней. Если я решил играть на флейте, то это было моё решение и, в конечном счете, ничего другого, кроме того, что это решил я, за ним не стоит. И как мой поступок, превративший меня в желающего играть на флейте, это есть моя нравственная ответственность. Это решение о поступке, чтобы стать полноценным поступком, должно наполниться предметным содержанием, необходимым для того, чтобы он состоялся и возможно наилучшим образом (какую флейту выбрать, как на ней учиться, к ка-

кому учителю обратиться и т.д.), нравственная ответственность дополняется специальной, поступок складывается в целое и становится основой, никогда ранее не существовавшего, единственного события бытия. Словом, мотивация на успех относится к содержанию поступка, задается внешним миром культуры, и в этом смысле она входит в сферы индивидуальных миров, начало которым кладется нравственной активностью субъекта. В этом смысле мотив успеха не выделяется среди других мотивов и потребностей (познания, наслаждения, власти, заботы, богатства и др.), а находится в одном ряду с ними.

Второе следствие состоит в том, что мотив успеха не может быть содержанием собственно нравственного поступка, представляющего собой саморефлекс поступающей личности. Он может получить нравственную санкцию, как и все обрамленное безусловными нравственными запретами предметно многообразное содержание человеческой деятельности, но он сам не может быть нравственным мотивом. Ему нет места в обращенности субъекта на самого себя как на источник должностования. Мотив успеха противоречит всем характерным признакам нравственного самоанализа личности, которые были описаны на примере самоотчета-исповеди: он всегда содержит момент завершенности, чего-то достигнутого; воспринимается как заслуга; основывается на оценках и признаниях других; девальвирует абсолютную шкалу оценки. Если субъект нравственной ответственности описывается формулой: «Жить из себя, но не для себя», то мотив успеха задает прямо противоположную парадигму действия: «Жить не из себя, но для себя».

В заключение необходимо сделать одно уточнение. В утверждении В.И.Бакштановского, послужившем отправным пунктом рассуждений в данной заметке, глагол оправдать употреблен в несовершенном виде: этика успеха призвана *оправдывать* мотивацию на успех. Возможно, мы напрасно вынесли данное обстоятельство за скобки и этим автор хотел как раз подчеркнуть, что мотивация на успех сама по себе, как и все (или почти все) в этом мире, может быть употреблена как во благо, так и во зло. Настороженность в отношении успеха дав-

но вошла в сокровищницу этической мудрости; еще Конфуций учил: «Если в Поднебесной есть Путь-Дао, то прояви себя; если [в Поднебесной] нет Дао-Пути, скройся. В государстве, где царит Дао-Путь, стыдно быть бедным и незнатным. В государстве, лишенном Дао-Пути, стыдно быть богатым и знатным» [3]. Будучи этически амбивалентной, мотивация на успех каждый раз должна оправдываться, и именно постоянная необходимость в такой процедуре оправдывает существование самой этики успеха.

Если именно это имел в виду проф. Бакштановский, говоря не об оправдании, а об оправдывании мотива успеха, то это означает, что данный мотив относится к неморальным ценностям и полученный нами в ходе рассуждений результат соответствует искомой задаче.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин. Сочинения. Т. 1. М., 2003.
2. *Бахтин М.М.* К философии поступка / М.М.Бахтин. Сочинения. Т.1.М., 2003.
3. *Конфуций. Лунь юй.* Гл 8, фр.13 // Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй».Москва, 1989.